

М.Т. Цицерон

О старости. О дружбе. Об обязанностях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
М11

М.Т. Цицерон
М11 О старости. О дружбе. Об обязанностях / М.Т. Цицерон – М.: Книга по Требованию, 2024. – 247 с.

ISBN 978-5-458-26646-8

Предлагаемые вниманию читателя три поздних произведения Цицерона диалог (т. е. беседа) «О старости», диалог «О дружбе» и трактат «Об обязанностях» написаны им на политико-философские темы: о значении старости в жизни человека; о политической мудрости людей преклонного возраста и об их ценности для общества; о дружбе как союзе между гражданами, близкими по политическим взглядам; о нравственных основах государственной деятельности и о гражданском долге; о вопросах морали. В диалоге «О дружбе» и в трактате «Об обязанностях», написанных Цицероном уже после убийства Цезаря, имеются также и отголоски событий времен падения республиканского строя в Риме. Оба диалога и трактат «Об обязанностях» оказали большое влияние на мыслителей и писателей поздней античности, раннего христианства, эпохи Возрождения и на французских просветителей и часто цитируются ими. Представляя собой выдающиеся памятники мировой культуры, они в то же время являются образцами римской прозы. Комментарий содержит две вводные статьи и примечания.

ISBN 978-5-458-26646-8

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

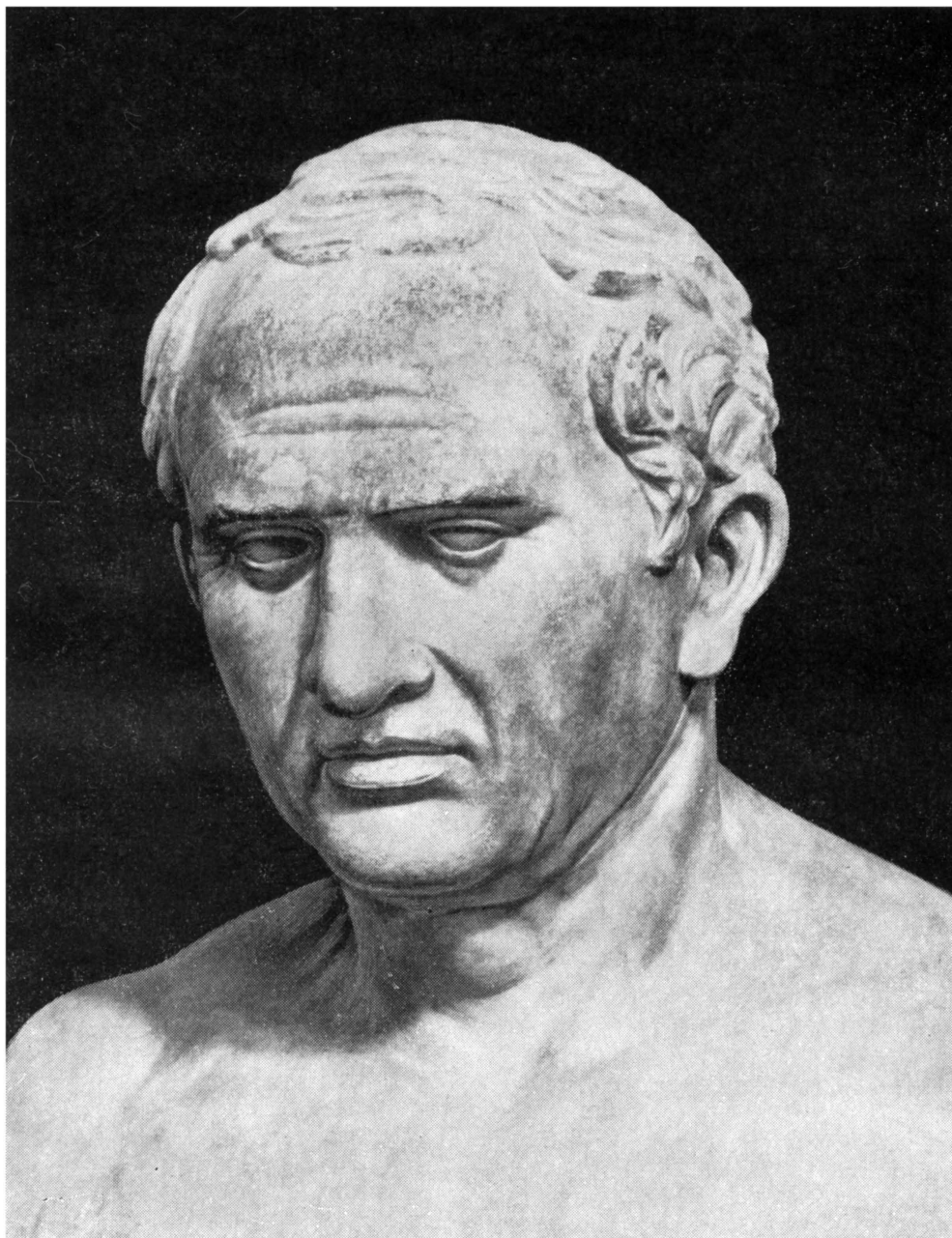
ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемые вниманию читателя три поздних произведения Цицерона — диалог (т. е. беседа) «О старости», диалог «О дружбе» и трактат «Об обязанностях» написаны им на политико-философские темы: о значении старости в жизни человека; о политической мудрости людей преклонного возраста и об их ценности для общества; о дружбе как союзе между гражданами, близкими по политическим взглядам; о нравственных основах государственной деятельности и о гражданском долге; о вопросах морали. В диалоге «О дружбе» и в трактате «Об обязанностях», написанных Цицероном уже после убийства Цезаря, имеются также и отголоски событий времен падения республиканского строя в Риме.

Эти три произведения Цицерона переведены на русский язык не впервые. Трактат «Об обязанностях» («О должностях») был издан в 1761 г. Академией наук в переводе Бориса Волкова; беседа «О дружбе» вышла в 1852 г. в переводе П. Виноградова, а в 1893 г., вместе с беседой «О старости», — в переводе И. Семенова. Переводы Волкова и Виноградова снабжены примечаниями.

Оба диалога и трактат «Об обязанностях» оказали большое влияние на мыслителей и писателей поздней античности, раннего христианства, эпохи Возрождения и на французских просветителей и часто цитируются ими. Представляя собой выдающиеся памятники мировой культуры, они в то же время являются образцами римской прозы.

Комментарий содержит две вводные статьи и примечания

МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН
(106—43)

Мрамор. Ватикан

О СТАРОСТИ

(Катон Старший)

*

[Первая четверть 44 г.]

(I, 1) Тит мой, если тебе помогу и уменьшу заботу —
Ту, что мучит тебя и сжигает, запав тебе в сердце,
Как ты меня наградишь? ¹

Ведь мне дозволено обратиться к тебе, Аттик, с теми же стихами,
с какими к Фламинину обращается

Тот человек, что был небогат, но верности полон ².

Впрочем, я хорошо знаю, что ты не станешь, подобно Фламинину,
Так терзать себя, Тит, и денно и ночью заботой ³.

Ведь я знаю твою умеренность и уравновешенность, а то, что ты привез из Афин не только прозвание свое ⁴, но и просвещенность и дальновидность, хорошо понимаю. И все-таки я подозреваю, что тебя иногда чересчур сильно волнуют те же обстоятельства, какие волнуют и меня самого ⁵, но найти утешение от них довольно трудно, и это надо отложить на другое время.

Но теперь мне захотелось написать тебе кое-что о старости. (2) Ведь общее бремя наше — старость, уже либо надвигающуюся на нас, либо, во всяком случае, приближающуюся к нам ⁶, я хочу облегчить тебе, да и самому себе. Впрочем, я твердо знаю, что бремя это, как и все остальное, ты несешь и будешь нести спокойно и мудро. И вот, когда я думал написать кое-что о старости, то именно ты представлялся мне достойным этого дара, которым мы оба могли бы пользоваться сообща. Для меня лично создание этой книги было столь приятным, что оно не только сняло с меня все тяготы старости, но даже сделало ее тихой и приятной. Следовательно, нам никогда не восхвалить достаточно достойно философию, повинуюсь которой человек может в любом возрасте жить без тягот.

(3) О других вопросах я говорил уже немало ⁷ и буду говорить еще не раз; но в этой книге, которую я тебе посылаю, речь идет о старости, причем всю беседу я веду не от лица Тифона, как поступил Аристон Кеосский ⁸ (ведь сказание едва ли показалось бы кому-нибудь убедительным), а от лица старика Марка Катона, чтобы придать своей речи бóльшую убедительность. Рядом с ним я изображаю Лелия и Сципиона, удивляющимися тому, что Катон переносит старость так легко, а его — отвечающим им. Если покажется, что он рассуждает более учено, чем обыкновенно рассуждал в своих книгах, то припиши это влиянию грече-

ской литературы, которую он, как известно, в старости усердно изучал. Но к чему много слов? Ведь речь самого Катона разъяснит тебе все то, что я думаю о старости.

(II, 4) *Сципион*.— Вместе с присутствующим здесь Гаем Лелием я очень часто изумляюсь, Марк Катон, как твоей выдающейся и достигающей совершенства мудрости, так особенно тому, что я ни разу не почувствовал, что тебе тяжка старость, которая большинству стариков столь ненавистна, что они утверждают, что несут на себе бремя тяжелее Этно⁹.

Катон.— Вы, Сципион и Лелий, мне кажется, изумляетесь не особенно трудному делу. Тем людям, у которых у самих нет ничего, что позволяло бы им жить хорошо и счастливо, тяжек любой возраст; но тем, кто ищет всех благ в самом себе, не может показаться злом ничто основанное на неизбежном законе природы, а в этом отношении на первом месте стоит старость. Достигнуть ее желают все, а достигнув, ее же винят. Такова непоследовательность и бестолковость неразумия! Старость, говорят они, подкрадывается быстрее, чем они думали. Прежде всего, кто заставлял их думать неверно? И право, как может старость подкрасться к молодости быстрее, чем молодость — к отрочеству?¹⁰ Затем, каким образом старость могла бы быть на восьмисотом году жизни менее тяжелой, чем на восьмидесятом? Ибо, когда годы уже истекли, то — какими бы долгими они ни были — неразумной старости не облегчить никаким утешением. (5) И вот, если вы склонны изумляться моей мудрости, — о, если бы она была достойна вашего мнения и моего прозвания!¹¹ — то я мудр в том, что следую природе, наилучшей руководительнице, как бы божеству, и повинуюсь ей; ведь трудно поверить, чтобы она, разграничив прочие части жизни, могла, словно она — неискусный поэт, пренебречь последним действием. Ведь что-то должно прийти к концу и, подобно ягодам на кустах и земным плодам¹², вовремя созрев, увянуть и быть готовым упасть. Мудрому надо терпеть это спокойно. И право, разве это сопротивление природе не похоже на борьбу гигантов с богами?

(6) *Лелий*.— Но все-таки, — говорю это и от имени Сципиона, — так как мы надеемся и, несомненно, хотим дожить до старости, то нам будет очень по сердцу, если ты, Катон, заблаговременно нас научишь, как нам будет легче всего нести все увеличивающееся бремя лет.

Катон.— Да, я сделаю это, Лелий, тем более что, как ты говоришь, это будет по сердцу вам обоим.

Лелий.— Конечно, мы хотим этого, если только тебе, Катон, не будет в тягость взглянуть на то, чего ты достиг, пройдя, так сказать, длинный путь, вступить на который предстоит и нам.

(III, 7) *Катон*.— Сделаю это как смогу, Лелий! Ведь я часто слышал жалобы своих ровесников (равные с равными, по старинной пословице¹³, очень легко сходятся); так, консуляры Гай Салинатор¹⁴ и Спурий Альбин¹⁵, можно сказать, мои однолетки, не раз оплакивали и то, что они лишены плотских наслаждений, без которых для них жизнь не в жизнь, и то, что ими пренебрегают те, от кого они привыкли видеть

уважение; мне казалось, что они жаловались не на то, на что следовало жаловаться; ибо если бы это происходило по вине старости, то это же постигло бы и меня и всех других людей преклонного возраста; между тем я знаю многих, кто на старость не сетует, освобождением от оков страстей не тяготится и от пренебрежения со стороны родных не страдает. Нет, причина всех подобных сетований — в нравах, а не в возрасте: у стариков сдержанных, уживчивых и добрых старость проходит терпимо, а заносчивый и неуживчивый нрав тягостен во всяком возрасте.

(8) *Лелий*.— Это верно, Катон! Но, быть может, кто-нибудь мог бы сказать, что тебе, ввиду твоего могущества, богатства и высокого положения¹⁶, старость кажется более сносной, но что это не может быть уделом многих.

Катон.— Это, конечно, имеет некоторое значение, Лелий, но далеко не в этом дело. Так, *Фемистокл*¹⁷, говорят, в жарком споре с неким серифинянином, когда тот сказал, что *Фемистокл* достиг блестящего положения благодаря славе своего отечества, а не своей, ответил ему: «Ни я, клянусь *Геркулесом*, будь я серифинянином, ни ты, будь ты афинянином, не прославились бы никогда». Это же можно сказать и о старости: с одной стороны, при величайшей бедности, старость даже для мудрого быть легкой не может; с другой стороны, для человека, лишенного мудрости, она даже при величайшем богатстве не может не быть тяжелой. (9) Поистине самое подобающее старости оружие, *Сципион* и *Лелий*,— это науки и упражнение в доблестях¹⁸, которые — после того, как их чтили во всяком возрасте,— приносят изумительные плоды после долгой и хорошо заполненной жизни, и не только потому, что они никогда не покидают человека даже в самом конце его жизненного пути (хотя это — самое главное), но также и потому, что сознание честно прожитой жизни и воспоминание о многих своих добрых поступках очень приятны¹⁹.

(IV, 10) Что касается меня, то *Квинта Максима*²⁰ (того, который вернул нам *Тарент*) я в молодости уже старика любил как своего ровесника; этому мужу была свойственна строгость, соединенная с мягкостью, и старость не изменила его нрава. Впрочем, когда я проникся уважением к нему, он еще не был очень стар, но все-таки уже достиг преклонного возраста; ведь он впервые был консулом через год после моего рождения, и вместе с ним — уже консулом в четвертый раз — я, совсем молодой солдат, отправился под *Капую*, а через пять лет — под *Тарент*; затем, через четыре года, я был избран в квесторы и исполнял эту магистратуру в год консулата *Тудитана* и *Цетега* — тогда, когда он, уже очень старый, поддерживал *Цинциев закон* о подарках и вознаграждениях²¹. Военные действия он вел, как человек молодой, — хотя уже был в преклонном возрасте, — и своей выдержкой противодействовал юношеской горячности *Ганнибала*. О нем превосходно написал наш друг *Эний*²²:

Нам один человек промедлением спас государство.

Он людскую молву отметал ради блага отчизны.

День ото дня всё ярче теперь да блестит его слава!²³

(11) А Тарент? Какой бдительностью, какими мудрыми решениями возвратил он его нам! Когда Салинатор, отдавший город и засевший в крепости, в моем присутствии с похвальбой сказал: «Ведь благодаря мне ты, Квинт Фабий, возвратил нам Тарент»,— он ответил, смеясь: «Конечно; не потеряй ты его, я никогда не возвратил бы его нам»²⁴. Но и облеченный в тогу, он был не менее выдающимся деятелем, чем ранее был полководцем. Ведь это он, будучи консулом вторично, когда его коллега Спурий Карвилий бездействовал, оказал, насколько мог, сопротивление плебейскому трибуну Гаю Фламинию²⁵, желавшему, вопреки воле сената, подушно разделить земли в Пиценской и Галльской областях. Хотя он был авгуром, он осмелился сказать, что наилучшие авспиции — те, при которых совершается то, что совершается ради благополучия государства, а то, что предлагается в ущерб интересам государства, предлагается вопреки авспициям²⁶. (12) Много превосходных качеств знал я в этом муже, но самое изумительное то, как он перенес смерть сына, прославленного мужа и консуляра²⁷; его хвалебная речь²⁸ у всех на руках. Когда мы читаем ее, то какого философа не станем мы презирать? Но он был поистине велик не только при свете дня и на виду у граждан; он был еще более выдающимся человеком в частной жизни, у себя в доме. Какой дар речи, какие наставления, какое знание древности, знакомство с авгуральным правом! Обширно было и его образование для римлянина: он помнил все войны, происходившие не только внутри страны, но и за ее пределами. Я с таким интересом беседовал с ним, словно уже тогда предугадывал, что после его кончины мне — как это и произошло — учиться будет не у кого.

(V, 13) Почему же я говорю так много о Максиме? Потому что, как вы, конечно, видите, было бы нечестиво говорить, что такая старость была жалкой. Не все, однако, могут быть Сципионами или Максимами и вспоминать о завоевании городов, о сражениях на суше и на море, о войнах, какие они вели, о своих триумфах²⁹. Также и жизни, прожитой спокойно, чисто и красиво, свойственна тихая и легкая старость; такой, как нам говорили, была старость Платона; он умер восьмидесяти одного года, занимаясь писанием³⁰; такой была и старость Исократы, который, как он говорит, на девяносто четвертом году написал книгу под названием «Панафинейская» и после этого прожил еще пять лет³¹. Его учитель, леонтинец Горгий, прожил сто семь лет и ни разу не прерывал своих занятий и трудов³²; когда его спрашивали, почему он доволен тем, что живет так долго, он отвечал: «У меня нет никаких оснований винить старость». Ответ превосходный и достойный ученого человека! (14) Ведь неразумные люди относят свои собственные недостатки и проступки за счет старости. Так не поступал тот, о ком я только что упоминал,— Энный³³:

Так же, как борзый конь, после многих побед олимпийских
Бременем лет отягчен, предается ныне покою...

Со старостью могучего коня-победителя он сравнивает свою. Впрочем, вы можете хорошо помнить его³⁴; ведь через восемнадцать лет после его смерти были избраны нынешние консулы — Тит Фламинин и Маний Ацилий³⁵, а умер он в год второго консулата Цепиона и Филиппа³⁶, после того как я, в возрасте шестидесяти пяти лет, громогласно и не жалея сил, выступил за принятие Вокониева закона³⁷. И вот в семидесятилетнем возрасте (ведь Энний прожил именно столько) он нес на себе два бремени, считающиеся тяжелейшими,— бедность и старость так, словно они его чуть ли не усаждали.

(15) И действительно, всякий раз, когда я обнимаю умом причины, почему старость может показаться жалкой, то нахожу их четыре: первая — в том, что она будто бы препятствует деятельности; вторая — в том, что она будто бы ослабляет тело; третья — в том, что она будто бы лишает нас чуть ли не всех наслаждений; четвертая — в том, что она будто бы приближает нас к смерти. Рассмотрим, если вам угодно, каждую из этих причин: сколь она важна и сколь оправданна.

(VI) Старость отвлекает людей от дел.— От каких? От тех ли, какие ведет молодость, полная сил? А разве нет дел, подлежащих ведению стариков, слабых телом, но сильных духом? Ничего, значит, не делали ни Квинт Максим, ни Луций Павел³⁸, твой отец, тесть выдающегося мужа, моего сына?³⁹ А другие старики — Фабриции, Курии, Корунканий?⁴⁰ Когда они мудростью своей и авторитетом защищали государство, неужели они ничего не делали? (16) Старость Аппия Клавдия была отягощена еще и его слепотой⁴¹. Тем не менее, когда сенат склонялся к заключению мирного договора с Пирром, то Аппий Клавдий, не колеблясь, высказал то, что Энний передал стихами:

Где же ваши умы, что шли путями прямыми
В годы былые, куда, обезумев, они уклонились?⁴²

И так далее—и как убедительно! Ведь стихи эти известны вам, и речь самого Аппия дошла до нас⁴³. И это выступление его относится к семнадцатому году после его второго консулата, а между его двумя консулатами прошло десять лет, и до своего первого консулата он был цензором. Из этого можно понять, что во время войны с Пирром он был уже очень стар, и именно это мы узнали о нем от своих отцов. (17) Таким образом, те, кто отказывается старости в возможности участвовать в делах, не приводят никаких доказательств и подобны людям, по словам которых кормчий ничего не делает во время плавания, между тем как одни моряки взбираются на мачты, другие спуют между скамьями, третьи вычерпывают воду из трюма, а он, держа кормило, спокойно сидит на корме. Он не делает того, что делают молодые, но, право, делает нечто гораздо большее и лучшее; не силой мышц, не проворностью и не ловкостью тела вершатся великие дела, а мудростью, авторитетом, решениями, и старость обыкновенно не только не лишается этой способности, но даже укрепляется в ней.

(18) Или, быть может, я, который и солдатом, и трибуном, и легатом, и консулом участвовал в разных войнах, кажусь вам теперь праздным, когда войн не веду? Но ведь я указываю сенату, какие войны надлежит вести и каким образом: Карфагену, в течение уже долгого времени замышляющему недоброе, я заранее объявляю войну; опасаться его я не перестану, пока не узнаю, что он разрушен. (19) О, если бы бессмертные боги сохранили эту пальмовую ветку для тебя, Сципион, дабы ты завершил деяния своего деда!⁴⁴ Со дня его смерти пошел уже тридцать третий год, но память об этом знаменитом муже сохраняют все грядущие годы; он умер за год до моей цензуры, через девять лет после моего консулата, во время которого он был избран в консулы вторично⁴⁵. И неужели стал бы он досадовать на свою старость, доживи он до ста лет? Он, правда, уже не совершал бы ни вылазок, ни бросков, не метал бы копий, не бился бы мечом, но помогал бы своим советом, здравым смыслом, своими решениями. Если бы качества эти не были свойственны старикам, то наши предки не назвали бы высшего совета «сенатом»⁴⁶. (20) В Лакедемоне высшие магистраты называются «старцами»⁴⁷, каковы они и в действительности. А если вы почитаете и послушаете о событиях в других странах, то узнаете, что величайшие государства рушились по вине людей молодых и охранялись и восстанавливались усилиями стариков.

Как вашу погубили вдруг вы славную республику?

Ведь такой вопрос задают в «Волчице» поэта Невия⁴⁸; на него отвечают, помимо прочего, прежде всего так:

Да вот ораторы пошли, юнцов толпа безмозглая⁴⁹.

Опрометчивость, очевидно, свойственна цветущему возрасту, дальновидность — пожилому.

(VII, 21) Но, скажут мне, память слабеет.— Пожалуй, если ты не упражняешь ее и если ты и от природы не сообразителен. Фемистокл помнил имена всех сограждан. Так неужели вы думаете, что у него, когда он состарился, вошло в привычку при встрече называть Аристида Лисимахом?⁵⁰ Что до меня, то я знаю не только тех, кто жив теперь, но и их отцов и дедов и, читая надмогильные надписи, не боюсь, как говорят⁵¹, «потерять память»; напротив, именно такое чтение воскрешает во мне память об умерших. Да право же, я ни разу не слышал, чтобы какой-нибудь старик позабыл, в каком месте он закопал клад; все то, что их заботит, они помнят: назначенные сроки явки в суд, имена должников или заимодавцев. (22) А правоведы? А понтифики? А авгуры? А философы? Сколь многое помнят они в старости! Старики сохраняют свой ум, только бы усердие и настойчивость у них сохранялись до конца! И это относится не только к прославленным и высокочтимым мужам, но и к частным лицам, живущим спокойно. Софокл⁵² до глубокой старости сочинял трагедии. Так как он из-за этого занятия, казалось, небрежно относился к своему имуществу, то сыновья привлекли его к суду⁵³, чтобы — подобно

тому, как, по нашему обычаю⁵⁴, отцам, дурно управляющим своим имуществом, пользование им запрещается,— суд отстранил его от управления имуществом как слабоумного. Тогда старик, как говорят, прочитал перед судьями трагедию, которую он, только что ее сочинив, держал в руках,— «Эдип в Колоне», и спросил их, кажутся ли им эти стихи сочинением слабоумного; после того, как он прочитал трагедию, по решению судей он был оправдан. (23) Так неужели его, неужели Гомера, Гесиода, Симонида, Стесихора, неужели тех, о ком я уже говорил,— Исократу и Горгия, неужели родоначальников философии — Пифагора, Демокрита, неужели Платона и Ксенократа, неужели впоследствии Зенона и Клеанфа⁵⁵ или того, кого и вы видели в Риме,— стойка Диогена старость заставила умолкнуть и прекратить занятия?⁵⁶ Не вели ли они своих занятий до конца своей жизни?

(24) Далее — оставим эти боговдохновенные труды — я могу назвать в Сабинской области римлян, деревенских жителей, своих соседей и друзей; без их участия, можно сказать, никогда не производят никаких сколько-нибудь важных полевых работ: ни сева, ни жатвы, ни уборки урожая. Впрочем, это едва ли должно вызывать удивление; ведь ни один из них не настолько стар, чтобы не рассчитывать прожить еще год; но они участвуют и в тех работах, которые, как они знают, им самим пользы уже не принесут:

Для другого поколения дерево сажает,—

как говорит наш Стаций в «Синэфебах»⁵⁷. (25) И действительно, земледелец, как бы стар он ни был, на вопрос, для кого он сажает, ответит без всяких колебаний: «Для бессмертных богов, повелевших мне не только принять это от предков, но и передать потомкам».

(VIII) Да и Цецилий говорит это о старике, пекущемся о будущих поколениях, лучше, чем в следующих своих стихах:

Да видит Поллукс! Коль иной беды, о старость,
Приход твой не несет, и вот чего довольно:
Ведь в долгий век, чего не хочешь, видишь много⁵⁸,—

и, быть может, и много такого, что хочешь видеть. А впрочем, с тем, чего не хочешь видеть, часто сталкиваешься и в молодости. Но вот высказывание все того же Цецилия, еще более злое:

Я вижу, в старости всего печальней чувство,
Что в эти лета сами мы другим противны⁵⁹.

(26) Скорее приятны, чем противны; ибо подобно тому, как мудрые старики наслаждаются общением с молодыми людьми, наделенными хорошими природными качествами, и более легкой становится старость тех, кого юношество почитает и любит⁶⁰, так молодые люди ценят наставления стариков, ведущие их к упражнениям в доблести⁶¹, и я хорошо понимаю, что я не менее приятен вам, чем вы мне.

Итак, вы видите, что старость не только не пребывает в бездеятельности и праздности, но даже трудоспособна и всегда что-нибудь совершает и чем-то занята,— разумеется, тем, к чему каждый стремился в течение всей своей жизни. Так, Солон⁶², как видим, в стихах своих хвалится тем, что он на старости лет каждый день постигает что-нибудь новое; я и сам так поступил, уже стариком изучив греческую литературу⁶³. Я взялся за нее с ненасытностью, словно стремился утолить свою давнишнюю жажду, дабы познать именно то, чем теперь, как видите, пользуюсь как примерами. Когда я услышал, что Сократ поступил так же и стал играть на лире, то и я захотел обучиться этому же; ведь древние обучались игре на лире; но литературой я, несомненно, занялся усердно.

(IX, 27) Даже теперь я силами уступаю молодому человеку (ведь это было второе положение о пагубных последствиях старости) не больше, чем в молодости уступал быку или слону. Что у тебя есть, тем тебе и подобает пользоваться, и все, что бы ты ни делал, делать в меру своих сил. Найдутся ли слова, заслуживающие большего презрения, чем слова Милона Кротонского?⁶⁴ Он, уже стариком, смотрел на упражнения атлетов на ристалище, затем взглянул на свои руки и, говорят, прослезившись, сказал: «А ведь они уже мертвы!» Право, не столько они, сколько ты сам, пустослов! Ведь известность приобрел не ты сам, а твои бедра и руки. Ничего подобного не говорили ни Секст Элий⁶⁵, ни многими годами ранее Тиберий Корунканий, ни недавно Публий Красс⁶⁶ — люди, составлявшие законы для граждан. Между тем они сохранили свой разум до самого последнего вздоха. (28) Оратор, пожалуй, может ослабеть к старости; ведь его деятельность требует не только ума, но и голоса и сил. Правда, звучностью голоса можно блистать и в старости; сам я качества этого не утратил и поныне, а мои лета вы знаете⁶⁷. Но все же старику подобают спокойные и сдержанные слова; изящная и плавная речь красноречивого старика уже сама по себе находит слушателей. Если же ты сам не в силах произнести ее, то все же можешь давать наставления Сципиону и Лелию. И право, что может быть приятнее старости, окруженной вниманием юношества? (29) Неужели мы не признаем за старостью даже и таких сил, чтобы она могла обучать молодых людей, их воспитывать и наставлять к выполнению всяческих задач, связанных с долгом? Что может быть более славно, чем именно такая деятельность? Лично мне Гней и Публий Сципионы⁶⁸ и два твоих деда, Луций Эмилий⁶⁹ и Публий Африканский⁷⁰, казались баловнями судьбы, так как их всюду сопровождали знатные юноши, и всех наставников в высоких науках надо считать счастливыми, даже если они состарились и ослабели. Впрочем, упадок сил сам по себе вызывается пороками молодости чаще, чем недугами старости: развратно и невоздержно проведенная молодость передает старости обессиленное тело⁷¹. (30) У Ксенофонта Кир, тогда уже очень старый⁷², перед смертью сказал, что он никогда не чувствовал, чтобы он в старости стал более слаб, чем был в молодости. Сам я в детстве, помнится, видел Луция Метелла, который, будучи избран в верховные понтифики через четыре года после своего второго консулата, ведал этим жречеством в те-